



ПЕРЕКРЕСТКИ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА: КУЛЬТУРА, ВОЙНЫ, ПАМЯТЬ



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

UDC 94(47)
LBC 63.3

Submitted: 26.02.2024
Accepted: 22.07.2024

THE DON “GOLDEN YOUTH” AND ITS SOCIALIZATION. 18th CENTURY

Andrey V. Venkov

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the 17th and 18th centuries, the Don Cossack elite established their informal oligarchic rule on the Don. To strengthen their power, the starshyna made extensive use of matrimonial ties and, contrary to law and custom, nominated their own children. As a result, the so-called “golden youth” appeared, who from a young age received high ranks and were appointed regimental commanders but overwhelmingly could not cope with their duties. *Materials and methods.* In this study, the anthropological approach plays a leading role. An analysis of the lives and activities of Don’s “golden youth” is conducted. The main source is the service record, which includes information about fines and punishments, property status, marital status, and literacy levels. *Analysis.* In the middle of the 18th century, the Don “starshinas” united into an advisory, executive, and judicial body called the Voyskovaya Kantselyariya. Formally, the title of “starshina” was awarded by the Voyskovoy Krug for personal achievements. However, in the 18th century, there were frequent instances of the assignment of the title “starshina” to the children of those very same starshinas, often at a very young age. At the request of respected representatives of the Cossack elite, the Army Circle awarded starshina ranks to their children immediately upon their entry into service. A larger group of the Don elite took a different approach. Their children enlisted in the service at an early age and were promoted to the rank of “starshina” within a few years. Their achievements were more significant than those of the first group of “golden youth,” as many of them spent their childhood and youth in the Cossack regiments. This practice was especially widespread under the atamans S.D. Efremov and A.I. Ilovaysky. *Conclusions.* The narrow circle of the elite, which maintained unity through marriage alliances, resulted in a weak and unstable offspring. Very few members of the “golden youth” achieved the rank of general in the Russian army during the late 18th and early 19th centuries, when the values of the Don elite underwent significant changes.

Key words: Cossacks, Cossack elite, “golden youth”, assignment of titles, oligarchy, matrimonial ties.

Citation. Venkov A. V. The Don “Golden Youth” and Its Socialization. 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

УДК 94(47)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 26.02.2024
Дата принятия статьи: 22.07.2024

ДОНСКАЯ «ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ» И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ. XVIII ВЕК

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В XVII–XVIII вв. донская казачья верхушка утвердила на Дону свое неформальное олигархическое правление. Для укрепления власти старшина широко использовала матримониальные связи и, вопреки праву и обычаям, выдвигала собственных детей. В результате появилась так называемая «золотая молодежь», которая с юных лет получала высокие чины и назначалась командирами полков, но в подавляющем большинстве не справлялась со своими обязанностями. *Материалы и методы.* В данном исследовании ведущую роль играет антропологический подход. Проведен анализ жизни и деятельности донской «золотой молодежи». Главным источником являются послужные списки, а в них графы о штрафах и наказаниях, об имущественном положении, семейном положении и уровне грамотности. *Анализ.* Донские «старшины» в середине XVIII в. объединились в совещательный, исполнительный и судебный орган – Войсковую канцелярию. Формально звание «старшины» присваивал Войсковой Круг за личные заслуги. Однако в XVIII в. постоянно встречаются случаи присвоения звания «старшины» детям тех же самых старшин, причем в самом раннем возрасте. По просьбам уважаемых представителей казачьей верхушки Войсковой Круг присваивал старшинские чины их детям сразу же в момент поступления на службу. Более многочисленная группа донской верхушки пошла другим путем. Их дети записывались на службу в самом раннем возрасте и через несколько лет получали чин «старшины». Их успехи были выше, чем у первой группы «золотой молодежи», так как многие из них действительно детские и юношеские годы проводили в казачьих полках. Подобная практика особенно была распространена при атаманах С.Д. Ефремове и А.И. Иловайском. *Результаты.* Узкий круг верхушки, поддерживавшей единство посредством брачных союзов, стал причиной появления слабого, не жизнестойкого потомства. Очень немногие представители «золотой молодежи» достигли генеральских чинов в русской армии в конце XVIII – начале XIX в., когда система ценностей донской верхушки значительно изменилась.

Ключевые слова: казачество, казачья верхушка, «золотая молодежь», присвоение званий, олигархия, матримониальные связи.

Цитирование. Венков А. В. Донская «золотая молодежь» и ее социализация. XVIII век // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

Введение. Имущественное расслоение донского казачества особенно четко проявилось в XVIII веке. Началось оно гораздо раньше. Е.П. Савельев считал, что еще в конце 1-й половины XVII в. на Дону образовался «класс домовитых граждан». «Явление это самое естественное и присущее народам всех стран» [14, с. 349]. С.Г. Сватиков к этому времени относит появление термина «старшина»: «...с самого начала существования казачества его вожди – атаманы – отделялись и в жизни, и в актах эпохи от “рядового” казачества. По истечении полномочий атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. В половине XVII в. этих “знатных”, то есть всем в Войске известных казаков, стали называть “старшинами”» [16, с. 44].

К еще более раннему времени С.Г. Сватиков относил объединение этих «знатных» людей в некое неофициальное совещание. О.Ю. Куц, анализируя труд С.Г. Сватикова, отмечает, что, по Сватикову, влияние этого совещания на атамана и войсковой круг «было громадно» и что «совет старшин существовал на Дону уже с начала XVII века» [8, с. 26]. Однако сам О.Ю. Куц, проанализировав ряд

источников, считает: «Как видим, понятие “старшина” в качестве обозначения казачьей элиты в целом в рассматриваемый период еще не было устоявшимся и пока только формировалось, прежде чем стать тем устойчивым обозначением для узкого круга наиболее влиятельных в Войске лиц (причем не атаманов на данный момент), которое видим с конца XVII века. Уверенно говоря о появлении на Дону этой группы в 1640-е гг., С.Г. Сватиков, на наш взгляд, модернизирует ситуацию» [8, с. 229].

Не заикливаясь на терминах, мы констатируем, что под тем или иным названием (или даже без устойчивого названия) казачья верхушка существовала со времен становления казачества. Встает вопрос, насколько «стабильна» была верхушка. О.Ю. Куц приводит примеры, «когда старые казаки уходили с Дона в города. Например, в 1643 г. после ряда тяжелейших поражений, нанесенных казакам на Дону турками и татарами, в Россию ушла целая группа донских атаманов: бывший войсковой атаман Тимофей Лебязья Шея, станичные атаманы Осип Лосев, Томило Корякин, Нефед Осипов. Все они принадлежали к верхушке донского казачества» [8, с. 69].

Уже в первой половине XVII в. потомственными казаками были известные на Дону атаманы Радион Калуженин, Павел Чекунов, Кирей Чюрнососов [1, с. 78].

Постоянной группы имен или нет, или она очень слабо проявляется. Она зачастую анонимна. Иногда называются лишь войсковые атаманы.

На 1670 г., по Е.П. Савельеву, к выявленному им «классу» относились атаман Корнила Яковлев, «старые домовитые казаки и благомыслящие старшины войска» [14, с. 348].

Самым интересным, на наш взгляд, положением, выдвинутым О.Ю. Куцом в его работе, является следующее: «Каково было мерило состоятельности казака на Дону? На наш взгляд, это было наличие семьи – жены и детей. Ведь чтобы завести семью в экстремальной обстановке донской жизни, нужно было иметь определенное имущество и какой-то источник постоянного дохода» [8, с. 370].

Семейные связи были инструментом и скрепом при складывании на Дону впоследствии олигархических кланов.

После Азовских походов Петра I «Донским Войском стала управлять кучка преданных Москве старшин во главе с войсковым атаманом. Их поддерживали 11 черкасских станиц и низовые городки, а также постоянно пребывавший в Черкасске гарнизон от 2 до 5 тыс. человек» [14, с. 396].

О каких-либо родственных связях внутри указанной «кучки» не упоминается. Прослеживается лишь преемственность: отец – сын. Так, в 1632 г. отписку с отказом присягать на верность царю в Москву повез Максим Наумов и с ним поехал сын Иван Максимов [1, с. 78].

Как писал Л.М. Савёлов, атаман Фролов и его потомки «около полу столетия влияли на судьбы Дона и составили целую эпоху в его истории» [15, с. 12].

Известный донской историк А.П. Пронштейн в своем труде «Земля Донская в XVIII веке», изданном в 1961 г., считал систему власти на Дону «олигархическим правлением» [12, с. 228], при которой еще с начала XVIII в. казачья верхушка «даже в очень важных случаях принимала решения за все Войско без санкции Круга» [12, с. 231].

В 1740-е гг. в Войске Донском сформировался новый орган власти – Войсковая канце-

лярия дел старшин. В Канцелярию входили атаман, два войсковых есаула, войсковой дьяк, толмач и «наличные» войсковые старшины. С 1754 г. Канцелярия взяла на себя военное, гражданское и уголовное производства. К исполнению соответствующих служебных обязанностей привлекались не все старшины, а «наличные», то есть не ушедшие в поход, и по повесткам атамана [9, с. 50]. В целом же Войсковая канцелярия (по образцу 1740–1755 гг.) представляла собой «совещательный, исполнительный и судебный орган, состоявший из всех старшин Войска Донского» [9, с. 82].

В 1768 г. в Войске Донском числились 18 600 служилых казаков, и возглавляли их войсковой атаман, 10 есаулов войсковых и 2 походных, 3 войсковых толмача и 51 старшина [13, с. 173]. «Звание старшины было пожизненным, без права передачи его потомству, – отмечает Г.Г. Небрятенко. – Войсковой Круг, возводя в это звание за личные заслуги, имел право и лишить его за дурное поведение и преступления против войска» [9, с. 49].

Однако случаи назначения старшинами детей тех же самых старшин, причем в самом раннем возрасте, в XVIII в. встречаются постоянно.

Методы и материалы. На наш взгляд, в данном конкретном исследовании ведущую роль должен играть антропологический подход. Неотъемлемой частью исследования является анализ жизни и деятельности донской «золотой молодежи», которая получала старшинские чины иногда задолго до достижения 18–20 лет. Анализ их жизни и деятельности опирается на подробные послужные списки, которые заполнялись в идеале каждый год и содержат довольно подробный материал о возрасте, происхождении, этапах чиновничьего производства, службе, уровне достатка, уровне грамотности, семейном положении. Отличительной чертой списков 70-х гг. XVIII в. является графа о штрафах и наказаниях, в списках 90-х гг. – графы об имущественном положении, семейном положении и уровне грамотности.

Опираясь на эти данные, можно выяснить, насколько быстро шла социализация донской «золотой молодежи».

Анализ. Пример выдвижения детей в категорию старшин подали «верхи». Василий

Фролович Минаев стал старшиной по просьбе отца. Иван Иванович Фролов, внук знаменитого Фрола Минаева, стал старшиной «за заслуги отца и деда» в 1732 г., согласно грамоте императрицы Анны Иоанновны, причем сразу же, в 1732 г., он стал походным атаманом Низового корпуса, а в 1735–1738 гг. занимал пост войскового наказного атамана. В 1734 г. старшинский чин получил Степан Ефремов [14, с. 413]. Зная дату рождения Степана Ефремова, мы видим, что будущий Войсковой атаман старшиной стал в 19 лет.

Именно в период его правления и вскоре после него мы встречаем факты, когда поступление на службу и производство в старшинский чин происходят сразу же, в один и тот же день.

Алексей Федорович Краснощёков, сын генерал-майора, получил старшинский чин 16 октября 1765 г., в 11 лет, в день своего поступления на службу [10, л. 151]. И такой молодежи целая группа. Таков Себряков Михаил Сидорович, получивший звание старшины в 20 лет в день поступления на службу в 1756 г. [10, л. 44]; таков Краснощёков Данила Алексеевич, ставший старшиной 31 января 1760 г. в возрасте 23 лет [10, л. 49]. Два брата, Григорий Ильич Денисов и Михаил Ильич Денисов, поступили на службу и получили старшинские чины одновременно – 15 декабря 1764 г., но Григорию было 17 лет, а Михаилу – 15 лет [10, л. 372 об.]. Их родной брат Аксён Ильич Денисов поступил на службу и стал старшиной в 17 лет, 28 марта 1773 г. [10, л. 404 об.].

Эта группа, безусловно, была той самой «золотой молодежью», получавшей чины и должности за «заслуги предков» таким порядком, который не позволяла себе российская аристократия. По этим фамилиям видно, кто двигал своих детей, беззастенчиво нарушая традиции.

Кто же эти чадолюбивые предки? Это Федор и Алексей Краснощёковы, генерал-майор и войсковой старшина, дети первого донского бригадира и героя казачьих песен Ивана Матвеевича Краснощёкова; это Сидор Себряков, бригадир, известный своим неутомимым розыском раскольников и сыском беглых на северных границах Войска, который был на Дону в оппозиции к «атаманской фамилии» и писал в Петербург, что все проблемы Дона от «неутомимого лакомства и нетер-

пимого насилия атамана Данилы Ефремова» [3, с. 63]. Как атаман Степан Ефремов позволил Михаилу Себрякову, сыну злейшего врага своего отца, Данилы Ефремова, стать старшиной в первый день службы – большой вопрос. Видимо, дело в хорошо известных тренингах, которые начались между отцом и сыном Ефремовыми с приходом Степана Ефремова к власти.

Илья Федорович Денисов, проведший в один день в старшины двух своих сыновей, а через 8 лет – третьего, тоже был представителем «провинциальной» казачьей верхушки. Он был двоюродным братом Федора Петровича Денисова, в будущем первого генерала от кавалерии из донских казаков и первого графа из их среды.

Сам он происходил из старшинских детей, службу начал с 1740 г. в Лифляндии, сразу же получив чин есаула, зато старшиной стал только через 10 лет, в 1750 году. Он участвовал в Семилетней войне и имел Похвальный лист от «Римской императрицы» и похвальную грамоту от прусского короля Фридриха Великого. При императоре Петре III Федоровиче русские войска выступили, как мы помним, против недавних союзников – «цезарцев», – и И.Ф. Денисов одинаково успешно бил и тех и других.

Послужной список И.Ф. Денисова был далеко не безупречен: «В [1]767 по указу государственной военной коллегии за взятие от станиц при увещании раскольников денег двенадцати рублей и побой двух казаков, чтоб от расколу отступили, учинен ему крепкий репремант, а в 768 по определению военной коллегии за недоказательство старшине Афанасия Попова по двум доносам (так в тексте. – А. В.) арестован был на месяц» [10, л. 40].

Но во время Пугачевского бунта И.Ф. Денисов полностью реабилитировался. Под Царицыном, будучи командиром полка, «разбил с 50 казаками 700 злодеев и взял в плен 360 человек» [5, с. 25]. А участие в подавлении Пугачевского движения стало своеобразным критерием, показывающим верность российскому престолу.

Как сложилась судьба этой «золотой молодежи»?

Полностью и быстро «вписался» в старшинское сообщество Алексей Федорович

Краснощёков (ок. 1754–1786), зять атамана Степана Ефремова. Как сказано в его послужном списке: «По желанию его в [1]770 командирован военной коллегией во вторую армию, в которой командуя полком под Перекопом при сильном сражении с неприятелем убил он всмерть турецкого байракта...» [10, л. 375]. И далее, пока шла война с турками, он каждый год участвовал в сражениях и убивал какого-нибудь турецкого начальника. В 1771 г. он был награжден золотой медалью, в 1774 г. участвовал в боях против Пугачёва. Умер в 1786 г. во время наводнения [7, с. 25], долго лежал без погребения, так как не могли найти место для могилы, и то наводнение осталось в донских преданиях как «Краснощековская вода».

Что касается остальных, названных нами представителей «золотой молодежи», то их поведение не отличалось такими подвигами и строгой дисциплиной.

В послужном списке донских старшин на 1777–1779 гг. указаны наличные 105 старшин. 25 из них чем-то проштрафились, и это занесено в указанный список. Из 25 «штрафованных» 4 – уже указанные нами молодые старшины.

Так, Краснощёков Данила Алексеевич, двоюродный брат указанного выше Алексея Федоровича, участвовал в войнах в Пруссии, Силезии, брал Берлин, воевал против Турции и Польши, в 1770 г. награжден золотой медалью. Но «в [1]771 году за тайный отъезд [из] учрежденных для предосторожности по бывшей тогда здесь опасной болезни застав штрафован был снятием сабли и содержанием, ко отправлению полевой службы и внутренних дел за шумством не способен» [10, л. 49]. Термин «шумство» означал «пьянство». Впрочем, через два года он уже был походным атаманом казачьих полков, прикрывавших Днепровскую линию.

Себряков Михаил Сидорович прекрасно показал себя в Пруссии, под Гросс-Егерсдорфом, за что получил чин армейского полковника в 1762 г., во главе донских полков вброд переходил Сиваш, взял 4 знамени, но «не показал себя» во время Пугачевщины. В послужном списке сказано: «Хотя в штрафах и не бывал, но во время продолжавшегося пугачевского бунта в самое приближение оной толпы в Медведицкие станицы, оставя вру-

ченную ему команду, сказавшись больным, отлучился и по долгу своей присяги против тех злодеев поисков не чинил, за что был под следствием и содержан был скованный под арестом, а на послед он по высочайшему именному Ея Имп. Вел. указу в том прощен» [10, л. 43–44].

В 1784 г. М.С. Себряков все же получил чин бригадира. Но с конца XVIII – начала XIX в. род Себряковых то ли затухает, то ли просто не входит в донскую верхушку. «Неправильное» поведение М.С. Себрякова во время Пугачевщины, видимо, дало себя знать.

Что касается детей И.Ф. Денисова, то 2 из 3 произведенных зарекомендовали себя не с лучшей стороны. Григорий Ильич «В штрафах не бывал, только[,] будучи с командой за Доном на речке Кагальнике для предосторожности от кубанской стороны[,] самовольно онуе отлучился в город Черкасск и во оном[,] будучи в шумстве[,] от стоявшего во оной в станичной избе на карауле часового бит, да и прежде когда будучи в Черкасском бывал в частом шумстве» [10, л. 62–63]. Дополнение 1776 г.: «а ныне от того воздержался [ли] по жительству ево в неблизком от Черкасского разстоянии неизвестно» [10, л. 148]. А младший сын, Аксен (Авксентий) Ильич, удостоился следующей записи: «В штрафах и пороках не бывал, а о достоинствах ево как еще он нигде службы не производил и к делам определяем не был, никакого засвидетельствования дать не можно» [10, л. 178].

Другая группа донских старшин действовала более осторожно и не так демонстративно. Эти старшины копировали поведение российской аристократии, о котором мы читали в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Их дети записывались на службу очень рано, будучи подростками, и так же рано, через несколько лет, получали старшинские чины.

Из таких «скороспелых» старшин мы можем назвать Алексея Пушкарёва, Григория и Дмитрия Паздеевых, Дмитрия Сарычева, Ивана Меньшого и Ивана Большого Дячкиных, Кондрата и Адриана Денисовых, Константина и Андрея Сулиных, Алексея Ребрикова, Ивана Каршина, Андрея Мартынова и Матвея Платова.

Если верить документам, Иван Дячкин Большой поступил на службу в 2 года, в

1754 г. [10, л. 414 об.], что можно считать своеобразным рекордом, но старшиной стал в 24 года. Павел Андреевич Краснощёков (уже названным выше Краснощёковым он приходился двоюродным братом) на службу был записан в 14 лет, а старшинский чин получил в 23 года. Но в его послужном списке значилось: «за службу не произведён, а произведён в ево чин во уважение предков его служб» [10, л. 416].

Эта группа молодых старшин отличалась еще и тем, что в ее среде не отмечено ни одного «штрафованного».

Самое блестящее начало карьеры в этой группе было у Андрея Дмитриевича Мартынова, сына войскового непрямого судьи, поступившего на службу в 12 лет (1771 г.) и ставшего донским старшиной в 15 лет (1774 г.). Да и в целом его карьера, пожалуй, самая блестящая, за исключением карьеры М.И. Платова и А.К. Денисова.

Андрей Дмитриевич Мартынов (1759–1815), генерал-лейтенант, войсковой наказной атаман в 1807–1808 гг., кавалер Ордена Святого Георгия 4-го и 3-го класса, богатый помещик, в 1797 г. имел по 5-й ревизии крестьян 14, малороссиян мужского пола 501 [11, л. 1 об.]. Обогнал его по занимаемым постам Адриан Карпович Денисов, ставший старшиной в 22 года и попавший впервые в бой уже в должности командира полка. Впоследствии он стал «учителем военных правил», генерал-лейтенантом и войсковым атаманом. Он единственный из донских генералов (да и офицеров) той эпохи, кто оставил мемуары. Генералом, но не особо известным, стал и Григорий Михайлович Поздеев. В генералы вышел и сразу же умер в 1799 г. Иван Дячкин Большой, начавший службу в 2 года. Но тут роль, видимо, сыграл не срок службы, а то, что родная сестра Дячкина была женой атамана А.И. Иловайского.

Дети самого Степана Ефремова получили старшинские чины по такой же схеме. Старший, Данила Степанович (1758–1809), в 14 лет был зачислен на службу есаулом, а в 20 лет стал старшиной, но служил в полку самого атамана А.И. Иловайского (Атаманском) и собственный полк в командование получил лишь в 27 лет, в 1785 году. Но на «настоящую» войну его так и не пустили, он слу-

жил на Кубани, «под снеговыми горами», в Петербурге, участвовал в подавлении восстаний на Дону в 1794 г. и в других местах России, дослужился до армейского полковника [11, л. 49 об. – 50].

Младший сын, Степан Степанович (1761–1805), чин есаула получил в 9 лет, а старшиной стал в 17 лет. Полк в командование получил в 21 год, но стоял с ним на границе области на речке Кагальник, он то был «при правительстве судьей», то в лейб-конвойной команде в Петербурге (там, правда, повоевал со шведами), то снова охранял речку Кагальник. Дослужился до армейского полковника [11, л. 44 об. – 45].

Впрочем, судьба их не может быть показателем. Они дети опального атамана. Их «хорошо устроили». Степан Степанович – зять атамана А.И. Иловайского, Данила Степанович – зять Акима Карпова (правая рука М.И. Платова, на Бородинском поле командовал казаками на левом фланге). Дочь Марфа Степановна отдана за Алексея Краснощёкова, а дочь Надежда Степановна – за Матвея Платова. Но в генералы ни один из сынов Степана Ефремова не вышел. Да и из других названных нами юных старшин Пушкарёв Алексей дослужился до майора армии и умер, не дожив до 40 лет, Дмитрий Паздеев выше старшины не поднялся и тоже быстро умер, Дмитрий Сарычев дослужился до премьер-майора, Константин и Андрей Сулины дослужились до чина подполковника, Алексей Ребриков – тоже до подполковника. Иван Каршин стал полковником. В небытие ушли многочисленные дети И.Ф. Денисова. Как писал историк донского дворянства Л.М. Савёлов, «И.Ф. имел четырех сыновей: Григория, Михаила, Кондратия и Авксентия. Первые трое были старшинами, а Авксентий Ильич имел чин армии полковника. Потомство осталось после Авксентия Ильича» [5, с. 25].

Последняя фраза наводит на грустные размышления. Действительно, немногие из них оставляют потомство, и живут они недолго.

Степан Степанович Ефремов прожил 44 года. Данила Степанович Ефремов прожил 50 лет. Если брат его, Степан, довольно сумбурно и с нарушением грамматических правил описал свои навыки: «Российская грамота писать, география, арифметика, риторика,

читать по-немецки и по латыни» [11, л. 45], то Данила Степанович умел лишь «читать и писать» [11, л. 50], а в послужном списке за 1797 г., в возрасте 39 лет, записал в графе о возрасте, что лет своих «не упомнит» [11, л. 218 об.]. Сестра их, Марфа Степановна, прожила 47 лет. Сестра Надежда Степановна – 30 лет. Ее сын от М.И. Платова – Иван Матвеевич – прожил 29 лет.

А вот представители других «знатных» родов. Дячкин Иван Большой умер в 48 лет, его брат Иван Меньшой умер в 46 лет. Дмитрий Поздеев, не будучи раненым, умер в 31 год. Лихой рубака Алексей Федорович Краснощёков умер в 32 года.

Видимо, ограниченный круг сложившейся верхушки, связанной матримониальными узами, оказался неспособен дать более жизнестойкое потомство.

После ареста и устранения атамана Степана Ефремова описанная нами практика выдвижения старшинских детей неоправданно рано на командные должности не прекратилась. Контингент юных старшин немного изменился.

Вместо потомков атамана Ефремова мы видим детей и племянников нового атамана А.И. Иловайского.

Лев Алексеевич Иловайский, 1772 г.р., казаком был записан в 8 лет, есаулом – в 11 (1783 г.), и через год стал армейским поручиком (1784 г.), за участие в штурме Очакова (22 декабря 1789 г.) он получил чин войскового старшины и в 1793 г. стал премьер-майором. Службу он проходил в Атаманском полку с 1780 г., с 1784 г. – в придворной команде, с 1789 г. – в конвое А.Г. Потёмкина. Получив премьер-майорский чин, отбыл с командой на пограничную речку Кагальник [11, л. 110 об.]. Майорский чин в русской армии и уж тем более на Дону давал право командовать полком.

Племянник атамана, Степан Дмитриевич Иловайский, казаком был записан в 9 лет, премьер-майором стал в 19 лет (29 ноября 1796 г.). Служил он в том же конвойном Чугуевском полку при А.Г. Потёмкине, затем в полку генерал-майора Орлова, походного атамана Грекова. Воевал с турками, штурмовал Прагу (пригород Варшавы) в 1794 г. [11, л. 210 об.].

Племянник Григорий Дмитриевич Иловайский прошел тот же путь и майорский чин

получил в один день с братом, 29 ноября 1796 г., но было ему тогда 18 лет. В детские и отроческие годы числился он в полках родственников – Павла Иловайского и Ивана Иловайского. Участвовал в штурме Измаила [11, л. 233 об.].

Нельзя не заметить, что, в отличие от предыдущего поколения «золотой молодежи», эти юноши получают русские армейские чины, дающие право на дворянство. Как писал А.П. Пронштейн, при А.Г. Потёмкине (последняя четверть XVIII в.) шел процесс «одворянивания старшинской верхушки и превращения ее в надежный оплот абсолютной монархии» [12, с. 240].

Здесь же можно увидеть Ребрикова Ивана Алексеевича, зятя Дмитрия Ивановича Иловайского, брата атамана. Этот был записан в казаки в 13 лет, но майором стал, обогнав двух своих родственников, 24 сентября 1794 г., в 20 лет [11, л. 141 об.]. Его боевой путь пролегал через Кинбурн, Измаил, войну с польскими конфедератами, штурм Праги.

Раньше всех майорский чин получил Василий Васильевич Орлов, сын сменившего Иловайского войскового атамана Василия Орлова. Майором он стал в 1794 г. в 15 лет. Большая часть его службы до получения чина прошла в Петербурге, в разъездной команде стоявшего в столице полка Поздеева [11, л. 164 об.].

Достигшие высоких чинов выходцы из казачьих детей пытались организовать карьерный рост своих потомков, используя опыт прежней верхушки.

Аркадий Иванович Исаев, сын вышедшего из казачьих детей суворовского любимца генерал-майора Ивана Исаева, в казаки был записан в 13 лет, а майором стал в 20 лет. Весь срок службы его до получения майорского чина прошел в шефском полку Екатеринославского войска [11, л. 205 об.].

Отличительная черта этой молодежи – более высокий уровень образованности. Впрочем, племянники атамана, Степан Дмитриевич и Григорий Дмитриевич Иловайские, и их свояк Иван Ребриков умеют лишь читать и писать [11, л. 142, 217, 236]. Внук простого казака Аркадий Иванович Исаев честно сознался, что «знает читать и писать, а других наук никаких» [11, л. 206]. Зато сын атамана, Лев Алексеевич, был обучен «российской,

немецкой и французской грамоте» [11, л. 115], а сын Василия Орлова «знал» «читать и писать по-русски, по-немецки и по-французски, всемирную историю, рисовать и часть математических наук» [11, л. 167].

В этом отношении всех превзошел внук войскового судьи и сын уже известного нам Андрея Дмитриевича Мартынова, Алексей Андреевич. Конечно же, он мог читать и писать по-русски, кроме того ему были известны «французский язык, арифметика, алгебра, геометрия, архитектура, география, физика, механика, риторика и грамматика» [11, л. 308].

Но и эти представители нового поколения «золотой молодежи» не смогли подняться выше полковничьего чина. И не отличались долгожительством. Степан Дмитриевич Иловайский, например, умер в 38 лет.

Видимо, какая-то часть их осознала гибельность «династических браков» внутри своего круга. Сын войскового атамана Иловайского, Лев Алексеевич, женился на литовской шляхтянке Нарбут [6, с. 26]. В женах у Андрея Дмитриевича Мартынова побывали дочь греческого купца Екатерина Егоровна Мержанова, Евдокия Васильевна Манькова (дочь известного старшины В.И. Манькова), русская дворянка Прасковья Петровна Бачманова [4, с. 29].

Однако сложившуюся практику сразу сломать было невозможно. Так, описывая ситуацию на Дону в конце XVIII – начале XIX в., военный инженер А.Л. де Романо, работавший здесь в 1795–1803 гг., написал, что «вся власть в крае принадлежит 12–15 виднейшим фамилиям... В большинстве своем они были связаны родственными узами. В Войсковой канцелярии, на должностях предводителей областного и окружных дворян-

ских депутатов, судей, оказывались ближайшие родственники войсковых атаманов – братья, сыновья, племянники, свойственники, ближайшие друзья» [2, с. 147].

Результаты. Таким образом, в XVIII в. на Дону сложилось олигархическое правление из неформальных лидеров Войска – старшин, которые были объединены между собой посредством матримониальных связей. Чин старшины в первую очередь давал право командовать полком и, соответственно, получать большую долю добычи по сравнению с рядовыми казаками, а также быть включенным в своеобразный резерв для занятия должностей в системе войскового самоуправления.

Дети старшинских семей сразу же включались своими родителями в сложившееся сообщество путем присвоения им старшинских чинов непосредственно при зачислении на службу либо через очень короткий срок после зачисления. Многие зачислялись на службу в отроческом и даже детском возрасте. Некоторая часть их оказалась не готова нести возлагаемые на старшин обязанности, что отмечено в их послужных списках. Впоследствии, когда произошла смена ценностей и целью верхушки стало получение дворянских титулов, носители которых имели право покупать крепостных, большую ценность приобрели армейские офицерские чины, дающие право на дворянство. И сразу же отпрыски старшин, зачастую в отроческом возрасте, стали получать армейские офицерские чины. Из указанной категории старшин при блестящих стартовых позициях генеральских чинов достигли единицы. Характерной чертой данной категории старшин являются короткий срок жизни и отсутствие у многих жизнестойкого потомства. Видимо, сказались матримониальные связи внутри очень ограниченного круга лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М. Ю., Вальдин А. С., Королев В. Н., Корягин С. В. Астаховы и другие. Вып. 16. М.: Русаки, 2001. 120 с.
2. Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д: Приазовский край, 2001. 382 с.
3. Губарев Г. В. Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сан-Ансельмо: Сеятель, 1970. 344 с.
4. Королев В. Н., Корягин С. В. Мартыновы, Бобриковы и другие. Вып. 5. М.: Пробел, 1999. 96 с.
5. Корягин С. В. Денисовы и другие. Вып. 20. М.: Русаки, 2001. 120 с.
6. Корягин С. В. Иловайские и другие. Вып. 17. М.: Русаки, 2001. 120 с.

7. Корягин С. В. Косовы и другие. Вып. 78. М.: Русаки, 2008. 128 с.
8. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дм. Буланин, 2009. 456 с.
9. Небрятенко Г. Г. Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 144 с.
10. Послужные списки генералов и офицеров (войскового атамана Иловайского, генерал-майора Ф. Денисова, полковника Иловайского и других). 1775–1779 // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. 417 л.
11. Послужные списки генералов, полковников, подполковников и премьер-майоров. 1797 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. 380 с.
12. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1961. 375 с.
13. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992. 220 с.
14. Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 частях. Репринтное воспроизведение изданий 1915–1918 годов. Ростов н/Д, 1990. С. 315–446.
15. Савёлов Л. М. Донское дворянство. II. М.: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. 15 с.
16. Сватиков С. Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549–1917. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023. 623 с.

REFERENCES

1. Abramov M.Yu., Valdin A.S., Korolev V.N., Koryagin S.V. *Astakhovy i drugie. Vyp. 16* [Astakhovs and Others. Iss. 16]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
2. Agafonov A.I. *Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ikh izuchenie)* [The History of the Don Region of the 16th–First Half of the 19th Century (Historical Sources and Their Study)]. Rostov-on-Don, Priazovsky Krai Publ., 2001. 382 p.
3. Gubarev G.V. *Kazachij slovar-spravochnik. T. 3* [Cossack Dictionary. Vol. 3]. San Anselmo, Seyatel Publ., 1970. 344 p.
4. Korolev V.N., Koryagin S.V. *Martynovy, Bobrikovy i drugie. Vyp. 5* [Martynovs, Bobrikovs and Others. Iss. 5]. Moscow, Probel Publ., 1999. 96 p.
5. Koryagin S.V. *Denisovy i drugie. Vyp. 20* [Denisovs and Others. Iss. 20]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
6. Koryagin S.V. *Ilovajskie i drugie. Vyp. 17* [Ilovaisky and Others. Iss. 17]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
7. Koryagin S.V. *Kosovy i drugie. Vyp. 78* [Kosovs and Others. Iss. 78]. Moscow, Rusaki Publ., 2008. 128 p.
8. Kutz O.Yu. *Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667)* [Don Cossacks in the Period from the Capture of Azov to the Riot of S. Razin (1637–1667)]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2009. 456 p.
9. Nebratenko G.G. *Sudebno-protsessualnye otnosheniya v tradicionnom obshchestve donskih kazakov* [Judicial and Procedural Relations in the Traditional Society of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuFU, 2009. 144 p.
10. Posluzhnye spiski generalov i oficerov (vojskovogo atamana Ilovajskogo, general-majora F. Denisova, polkovnika Ilovajskogo i drugikh). 1775–1779 [Service Lists of Generals and Officers (Military Ataman Ilovaisky, Major General F. Denisov, Colonel Ilovaisky and Others). 1775–1779]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoj oblasti* (GARO) [State Archive of the Rostov Region], f. 46, inv. 1, d. 40. 417 l.
11. Posluzhnye spiski generalov, polkovnikov, podpolkovnikov i premyer-majorov. 1797 g. [Service Lists of Generals, Colonels, Lieutenant Colonels and Prime Majors. 1797]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 344, inv. 1, d. 41. 380 l.
12. Pronstein A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [Donskoy Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1961. 375 p.
13. Rigelman A.I. *Istoriya o donskih kazakah* [The Story of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1992. 220 p.
14. Saveliev E.P. *Istoriya kazachestva s drevnejshih времен do konca XVIII veka. Istoricheskoe issledovanie v 3 chastyah. Reprintnoe vosproizvedenie izdanij 1915–1918 godov* [The History of the Cossacks from Ancient Times to the End of the 18th Century. Historical Research in 3 Parts. Reprint Reproduction of Editions from 1915–1918]. Rostov-on-Don, 1990, pp. 315–446.

15. Savelov L.M. *Donskoe dvoryanstvo. II* [The Don Nobility. 2]. Moscow, Tov-vo «Pechatnya S.P. Yakovleva», 1914. 15 p.
16. Svatikov S.G. *Rossiya i Don. Istoriya donskogo kazachestva 1549–1917. Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij na Donu* [Russia and the Don. The History of the Don Cossacks 1549–1917. Studies on the History of State and Administrative Law and Political Movements on the Don]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2023. 623 p.

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>